

À LIVRE OUVERT *

обманчивый кивок луча
 под занавеской
зрачок ослепший прируча
 помнится фреской

осколки сна в пакет собрав
 из-под орехов
(пронесся шестерик *стремглав* —
 во сне был Чехов)

предутренний туман исчез
 в кофейной гуще
гвоздичным крепким фа-диез
 по венам пущен

а утро путалось в тенях
 и их предметах
в углах потертых патинах
 и сухоцветах

в хребте дверного косяка
 в хвосте собаки
в побегах папоротника
 и пастернаке

в слоновьей мудрости стола
 в заботе чашки
завязывалась дня смола
 из мглы вчерашней

она сулила свежий круг
 привычных смыслов
где ждал покладистый макбук
 а в нем зависла

строки початая верста
 язык паскаля
и притаилась жизнь — с листа
 в колках рояля

* «*Читать с листа*» (муз.) — à livre ouvert — без подготовки, букв. «по раскрытой книге» — чтение нот с листа, с первого взгляда, без приготовления; исполнение пьесы без предварительного разучивания; выражение, пришедшее в русский язык из французского.

КАРНИЗ

Я улыбалась ночью в потолок,
в пустой пробел, где близко и заметно
белел во мраке очевидный бог,
имевший цель улыбки и приветя.

Белла Ахмадулина

Мне кажется, в щели завелся бог...
в карнизной нише с ленточной подсветкой.
Уклон стены уходит в потолок
трехгранным сводом над кухонной клеткой.

Бог по ночам ворочается там,
а по утрам как будто пахнет кофе...
и если полдень рад моим словам —
— мне ясно: ночью бог ровняет строфы.

А вечерами он бранится — вслух
клянёт мой нрав — обидчивый, капризный:
мол, часто попрекаю, дескать, глух
и не пускает в дом свой закарнизный;

Мой разделив уклад на «под» и «над»,
карниз — подвязка на бедре статистки —
в канкан толкает, в наготы парад,
все что под кожей — с молотка по списку.

Сценарий, сцену, стол — ему виной.
Терзаюсь Беллы прядью медно-сизой...
Хотя, возможно, это голос — мой...
А он — молчит, присев на край карниза.

Прислушиваюсь в белый потолок —
его молчанье выписано мелом.
Покуда за карнизом дышит бог —
живу и я его пустым пробелом.

ЛУНА ДЕБЮССИ

Меланхоличный свет, вобравший воду
из водорослей снов и воровства,
загустевает в шар — земной породы —
поверхности касаясь нижним фэ;

всплывает в воздух, делается полым —
разжиженным серебряным дрожит —
но все еще густым, еще весомым,
меланжевым, тягучим, как иврит,

и, наконец, оторван от земного,
обозревает ре-бемоль пейзаж,
невыбранными нотами и словом
из светотени вяжет свой оммаж;

сквозь кожу туч испариной и звуком
сочится в русло сонное реки
и на сетчатку — в оке близоруком —
течет пигментом будущей строки.

СИБУЙ

— На все четыре стороны!
— В точку!

подслушано

ей нравилось — в полвосьмого
ему — в семь утра вставать
она волокла Толстого
а он — Толстую в кровать

ей снились — в реке ракушки
ему — в Петушках рассвет
ее огорчали мушки
его — обратный билет

им снились ракушки — мушки
ракушки — река — рассвет
в хрущевской почти что двушке
без малого восемь лет

от Рождества Христова
сценарий затерт до дыр
квадратный — в четыре слова —
стремящийся в точку мир.

ПАЛИМПСЕСТЫ

Мир для него хоть на миг — а иной.
Владислав Ходасевич

1.

Полутемно глазели окна дома.
Свет промелькнул; на миг он ослепил фасад
и тьму напялил (тьнь), как капюшон – на гнома,
на неказистый сад,

на со стены сорвавшуюся балку.
(Разъета мраком. Дроби знак вниз головой.)
Мир соблазнял меня, как фронт – провинциалку
из области иной.

2.

Но мне —
так нравится: больны, и мной.
Давайте же — о самом главном:
о бликах на кайме льняной,
клубнике в омуте сметанном,

про мир — возможность, шар земной
отыскивая под ногами,
найти случайно свой пароль
в конверте с нежным оригами.

ARCA DE NOÉ

Sandro A.G. de Souza

Смерти не бояться этой штучной.
Не бояться — но носить в кармане:
то ли на удачу — желтым камнем,
то ли кипенным платком — на случай.

Потому, тебя кляня всечасно —
в обмороке майки на диване,
не закрыты кран и тюбик пасты,
улыбаюсь — смерть у нас в кармане.

ЕМУ

Сегодня (уже вчера) в полночь
я поняла одну истину —
мне никогда не вырваться
из силков силлабо-тоники...
из тесных объятий
Пятистопного Ямба —
ибо он знает каждой своей пятой стопой —
стоит мне выйти из подъезда
стоит шагнуть за пределы метрической солнечной системы —
— случится необратимая метаморфоза
непоправимая как денатурированный белок —
мне сведёт диафрагму спазмом
меня вывернет наизнанку прозой
(текст порезан на полосы строк)
она — станет стихом
а я — уже никогда не стану прежней...

Так пусть же я буду коротать свой век
с этим ревнивцем, с этим собственником и снобом,
жадно поглядывать на другие размеры,
на чужие формы
слепленные из гласных и согласных звуков
наскоро совокупляться с ними
в темном подъезде
глотаю холодный воздух
проникающий в дверную щель снаружи
(как будто идешь по первому льду)
а после —
как пелевинская обезьяна
на ходу поправляя платье, прическу,
бегом по ступеням
щербатым стертым имперским
продрогшей сукой —
— возвращаться:

всегда — к нему
всегда — другой

ВИТРАЖ

«...Но сохранились и фрагменты витражей... в Конст...поле... Они представля... бой куски стекла, оправ...ные в свинец и расписанные эмалями».

обрывки радиопередачи

Когда закончу складывать витраж
из залитых эмалью стекол битых —
не натюрморт, не парковый пейзаж —
портрет, из мути зеркала добытый,

— Я в зазеркалье сотен роговиц
(фасеточных, пытливых, близоруких...),
подальше от исписанных страниц,
вдали от ленты новостной фейсбука, —

увидю отражений муляжи:
то кающейся Герды, или Кая —
он стынет в ослепительной глуши
из льдинок слово *вечность* собирая.

А здесь тепло. Как шарфом, шум ж/д
обматывает шею ежечасно.
Не слышно ни застолий, ни *Je t'aime*.
Жизнь протекает автономно, частно.

Десяток книг, пустой иконостас,
привычка воду окроплять лимоном,
хранить слова в коробках (про запас),
под нос мурлыкать фуги осам сонным.

Смеркается. О смерти можно вслух.
Чуть ниже в градуснике столбик ртути,
свернулся воздух в тополиный пух,
utube мерцает титрами на мьютете.

А смерти нравится, что здесь не ждут,
не прогоняют и не сторонятся.
Седые пряди заплетает в жгут
и достает кулек с едой из ранца

Задумчиво жуёт, косясь на мой
шедевр: эмаль, осколки, плюмбум.
Просвечена рентгеновской волной —
эмаль дробится мелким кракелюром.

Ночная кислота разъест портрет —
эмали расползается экзема,
а утром — вместо ...ли ...ступа... ..луэт
стекля... другой... вернувшийся — на время.

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ ЛЕТО

(из цикла «Письма в стол»)

Т.С.Есиной

Я сбегаяю на северо-серый восток
комом в горле сквозной электрички —
стук колес резонирует пульсом в висок:
многоточия... точки... кавычки...

Здесь платформ имена не прочесть между строк —
их разъели в труху километры,
и от станции к станции — длительней срок:
провода... поперечины... ветры...

Нервный перечень пляшущих координат —
мелом в памяти нацарапать...
Я сбегаяю, отсчитывая назад:
сто один... девятьсот шестнадцать...

Вот и дом: половицы скрипят, стынет чай,
пляшет пыль в струях яркого света.
Я приехала в ваш александровский рай
первым утром военного лета.

СУХОЦВЕТЫ

(Из цикла «Двадцать семь шагов Луны»)

Допустимые формы близости,
облетевшие листья.
У порога остатки извести
и засохшие кисти.

Это осень ремонт затеяла —
— краски хватит едва ли.
Многочисленные погрешности
превратятся в детали

Интерьера и трезвой данности —
так ведь правда практичней?
Мне дизайнер кивает радостно —
интерьеров опричник —

2.

Уже, казалось, поймана в силлок
силлабо-тоники всех смыслов мякоть,
уже от расслоившихся дорог
не ожидали большего, чем слякоть;

Уже непригодившиеся сны
на антресоль отправлены в картоне;
с цепочкой ржавых рифм — вплоть до весны —
снегам оставлен велик на балконе;

Уже надежд стряхнули шелуху,
отгородились шарфом безразличий,
свою тщету признали — на духу —
двухфакторны, двуполы, дву-... *безличны...* —

Как вдруг щеки коснулся из-за туч —
улыбкой наднебесного ответа,
ремаркой бога — предзакатный луч...
Мне показалось, или флейта где-то?..

А позже — к ночи — в мир вошел туман:
пока он жрал барочный профиль дома,
деревья, кости поздних горожан,
я впитывала пот его фантома.